

глаза лживы и скрытны, но рот не поддается маскировке... Видишь ты — никакой формы, весь в движении, как слизняк» [9, т. 6, с. 92—93].

Портрет в творчестве А. Н. Толстого динамичен и психологичен, что достигается посредством глубокого взаимодействия портретных деталей с видимым языком чувств. Причем видимый язык чувств занимает доминирующее положение в системе художественного обобщения. В произведении «Хождение по мукам» А. Н. Толстого портрет несет на себе идейную нагрузку, выполняет социально-оценочную и психологическую функции. Портретные характеристики писателя служат средством углубленного психологического раскрытия образа; в своей целостности портрет и видимый язык чувств, монолог, диалог в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» дают полное представление о многогранности того или иного социального типа.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Энгельс Ф., М. Гаркнесс. — Соч. 2-е изд., т. 37, с. 35—37. 2. *Ленин В. И.* И. Ф. Арманд. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 54—57. 3. *Баранов В.* Революция и судьба художника. М., 1983. 456 с. 4. *Борщевский Ф. М.* Изучение творчества Алексея Толстого. Пособие для учителей. К., 1979. 126 с. 5. *Демидова Н. А.* Тема народа в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Опыт анализа романа «Хмурое утро». — Уч. зап. Моск. пед ин-та, 1965, № 241, с. 194—208. 6. *Налдеев А. П.* Алексей Толстой. М., 1974. 245 с. 7. *Поляк Л. М.* О художественном мастерстве А. Н. Толстого («Хождение по мукам»). — Лит. в школе, 1955, № 1, с. 7—21. 8. *Смирнова Г. М.* Трилогия А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Л., 1976. 96 с. 9. *Толстой А. Н.* Собр. соч. В 10-ти т. М., 1958—1961. 10. *Фадеев А. А.* За тридцать лет. М., 1959. 996 с. 11. *Фащенко В. В.* Характеры и ситуации. М., 1982. 263 с.

Статья поступила в редколлегию 02.04.83.

М. А. Назарок, доц.,
Черновицкий университет

Работа С. Н. Сергеева-Ценского над документальными источниками исторических романов *

Умение С. Н. Сергеева-Ценского широко использовать фактические источники убедительно сказалось в тех главах, которые построены в основном на одном каком-либо документе. Главы «Река Иква» (роман «Бурная весна»), «Речка Пляшевка», «Через Стырь» (роман «Горячее лето») написаны на основании книги К. Гильчевского «Боевые действия второочередных частей в мировую войну», тех ее разделов, в которых рассказывается о форсировании названных рек («Форсирование р. Иквы» — 14-я глава; «Движение 101-й дивизии на юг к реке Пляшевке и форсирование ее» — 15-я; «Форсирование р. Стыри» — 16-я). Писатель не

* Вторая статья. Первая опубликована в 46-м выпуске настоящего сборника. — *Ред.*

отстывает от фактического материала, берет данные о войсках, их расположении, ходе и результатах боя. Что касается самого рассказа, его построения — здесь С. Н. Сергеев-Ценский поступает по своему усмотрению. Из содержательного военно-исторического труда вырастает батальная художественная картина, всесторонне рисующая боевую операцию.

Обратимся в связи с этим к главе «Река Иква» (роман «Бурная весна») и к 14-й главе «Форсирование р. Иквы» — книги К. Гильчевского. Отметим, что С. Н. Сергеев-Ценский не придерживается последовательности, имеющейся у К. Гильчевского в описании боевой операции. Последний, как правило, вначале говорит о боевой задаче, поставленной перед дивизией, соседях, местности, расположении противника, затем кратко — обратим на это внимание — о ходе сражения и, наконец, о результатах и значении проведенной операции.

Повествование С. Н. Сергеева-Ценского композиционно построено так, что на первом плане — изображение местности, занимаемой войсками, где вскоре произойдет бой, а затем уже сведения о войсках, подготовка к бою, бой — на нем писатель, в отличие от К. Гильчевского, останавливается подробно, вводит сцены, которых нет у историка. О результатах сражения писатель упоминает мельком. В таком подходе к композиции рассказа виден, с одной стороны, военный историк, бывший командир дивизии, для которого очень важны прежде всего вопросы чисто военно-стратегического характера, а с другой — писатель, в центре внимания которого человек, его переживания, поведение в бою.

Изображая подготовку к бою и его проведение, С. Н. Сергеев-Ценский творчески подходит к источнику. При помощи фантазии вводит новые сцены, действующие лица, отдельные моменты опускаются. Так, писатель значительно короче, чем К. Гильчевский описывает подготовку к бою. Он даже не упоминает о совещании у командира 32-го корпуса [1, с. 91]. Нет речи и о связи между подразделениями дивизий и вышестоящим командованием. Предельно кратко говорится о боевой задаче. У Гильчевского широко приводится боевой приказ [1, с. 93], в приказе ставится задача каждому из полков 101-й дивизии, определяются задачи артиллерии. У С. Н. Сергеева-Ценского об этом всего несколько слов [2, т. 11, с. 207]. В дальнейшем так же кратко он пишет о задачах отдельным полкам. Такое предельно сжатое изображение подготовки к бою не задерживает внимания читателя на подробностях, не отяжеляет повествования перечислением военных подразделений, их задач, данных о связи и пр.

С. Н. Сергеев-Ценский напишет и об обеспечении дивизии артиллерией (что есть в приказе), но позже, когда начнется бой [2, т. 11, с. 213]. С. Н. Сергеев-Ценский привел данные, содержащиеся в приказе, но они имеют вид не приказа, а художественного повествования. К тому же сведения об артиллерии и ее распределении с интересом воспринимаются читателем. В такой композиции рассказа очень наглядно проявилось художественное чутье, мастерство писателя.

С. Н. Сергеев-Ценский шире, обстоятельнее, чем К. Гильчевский, показывает действия войск в период подготовки к сражению. К. Гильчевский, например, пишет: «В четыре часа поехали на фольварк Зады отдать на месте приказание командирам 403-го и 404-го полков. Первому, Рубину, я приказал вечером 27 мая перевести часть полка через р. Икву у д. Остриево и окопаться на левом берегу долины Иквы, чтобы 28 мая прикрыть переправу через эту реку. Второму командиру, Татарову, — исполнить то же самое у д. Рудлево» [1, с. 91]. В дальнейшем будет сказано, что распоряжение командира дивизии выполнено. У С. Н. Сергеева-Ценского тоже говорится об этом, но писатель не ограничивается кратким сообщением. На примере одного из батальонов он показывает, как именно выполнялось приказание. Командир батальона передает приказ командирам рот о переправе через реку; одна из рот первой начинает переправу. Солдаты как можно тише, «точно собрались в чужое поле за горохом» [2, т. 11, с. 212], переходят мост, с трудом пробираются по кочковатой долине реки, поднимаются к высоким, мокрым от росы и «душно» пахнущим хлебам, залегают и старательно окапываются. Не совсем темная ночь живет своей жизнью — у воды урчат лягушки, в хлебах бьют перепела, время от времени со стороны противника слышны ружейные выстрелы. Всесторонне раскрывается душевное состояние командира роты. Яркая картина, нарисованная С. Н. Сергеевым-Ценским, лучше любого приказа позволяет читателю увидеть расположение русских войск перед боем, их подготовку к атаке, помогает глубоко понять боевую операцию в целом.

При параллельном сличении обоих текстов видно внимание писателя к внутреннему миру человека. К. Гильчевский кратко рассказывает о своем настроении перед боем: «Настроение у меня было пессимистическое... Уверенности в успех боя никакого» [1, с. 92]. У С. Н. Сергеева-Ценского: «...в утро этого решительного в жизни своей дивизии дня он чувствовал себя как-то совсем неуверенно...» [2, т. 11, с. 213—214].

К. Гильчевский говорит только о своем настроении перед боем, С. Н. Сергеев-Ценский стремится показать психологическое состояние и тех, кто будет непосредственно выполнять боевую задачу. Очень волнуется перед предстоящим сражением командир батальона Шангин, пессимистически настроен командир роты Коншин. Прапорщик Ливенцев верит в успешный исход боя, чувствует себя спокойно и в сложной обстановке не теряет чувства юмора.

Богато психологизируя повествование, писатель достигает большой художественной полноты и выразительности в изображении участников сражения.

К. Гильчевский говорит о ходе сражения кратко — только о том, что он видел с наблюдательного пункта, о чем ему докладывали командиры полков. С. Н. Сергеев-Ценский использует эти данные, переплавляет их в самостоятельные сцены.

К. Гильчевский: «С наблюдательного пункта было видно, как

австрийцы обстреливали переходившие Икву резервы 402-го полка и весь 401-й полк» [1, с. 95].

С. Н. Сергеев-Ценский: «Вот один полк начал цепями сходить с холмов в долину Иквы.

Гранаты и шрапнели рвались в цепях, но цепи шли быстро. Это было захватывающее зрелище торжества человеческого упорства в достижении цели. Видно было сквозь розовый дым, как валились десятки людей то здесь, то там, но остальные двигались вперед с каждой минутой быстрее. Вот уже подошли к мосту и бегут через мост на тот берег...

— Это какой полк? Какой?— волнуясь спросил Протазанова Игнатов.

— Это четыреста первый Карачаевский... Там командир полка — Николаев,— ответил Протазанов спокойно» [2, т. 11, с. 217].

Не всегда, правда, С. Н. Сергеев-Ценский так широко, обстоятельно разворачивает отдельные замечания военного историка. Порой он ограничивается только упоминанием о каком-либо моменте, но всегда образно передает главное.

Принципиальное отличие описания С. Н. Сергеевым-Ценским и К. Гильчевским военной операции состоит в том, что писатель показывает поле боя не только с наблюдательного пункта командира дивизии, но и из окопа командира батальона и роты, изображает боевые действия небольших подразделений и даже отдельных офицеров и солдат. Все это он, конечно, домысливает. У С. Н. Сергеева-Ценского широко изображена одна из рот 101-й дивизии (чего нет у К. Гильчевского), ее участие в наступлении. Читатель как бы находится непосредственно в рядах сражающихся, ему близки и понятны распоряжения и переживания командира роты Ливенцева, поведение солдат в бою. Этот художественный прием С. Н. Сергеева-Ценского — введение в повествование, основанное на документе, больших вымышленных картин, дающих возможность глубоко, всесторонне увидеть и понять события,— бесспорно, является удачей и не нарушает принципов исторического жанра.

Заканчивая описание боевой операции, К. Гильчевский отмечает ее результаты, говорит о пленных, трофеях, всегда нелестно отзывается о высшем начальстве, не сумевшем организовать преследование отступающего противника. Все это есть и у С. Н. Сергеева-Ценского. Но писатель акцентирует свое внимание совсем не на том, на чем бывший командир дивизии К. Гильчевский точно посчитает пленных и трофеи; С. Н. Сергеев-Ценский особенно на этом не останавливается. Писателя интересуют прежде всего герои сражения. Они — Ольхин и Татаров — изображены у С. Н. Сергеева-Ценского обстоятельнее и ярче, чем у К. Гильчевского. В конце главы писатель не забудет и роту Ливенцева, ее людей, отличившихся в бою. Значительно полнее, чем К. Гильчевский, домыслив отдельные штрихи и детали, показывает С. Н. Сергеев-Ценский и место бывшего сражения.

Итак, построенный на основании одного только источника, рассказ о крупной боевой операции еще раз свидетельствует

о высоком мастерстве С. Н. Сергеева-Ценского как писателя исторического жанра. Идя от достоверного сообщения, он сумел нарисовать реалистическую картину сражения. Домысел и вымысел автора не нарушают исторической достоверности, а еще более подчеркивают важнейшие стороны события и характеры персонажей. Сухой рассказ военного историка писатель сумел оживить, заставил звучать сильнее, сделать наглядно видимой всю изображаемую сцену. Самым характерным и важным явилось стремление писателя поставить в центре повествования не вопросы чисто военного характера, как это у К. Гильчевского, а человека, раскрыть его внутренний мир, показать его отношение к происходившему.

Список литературы: 1. *Гильчевский К.* Боевые действия второочередных частей в мировую войну. М.; Л., 1928. 430 с. 2. *Сергеев-Ценский С. Н.* Собр. соч. В 12-ти т. М., 1967.

Статья поступила в редколлегию 28.03.84.

Н. С. Степанов, ст. преп.,
Винницкий политехнический институт

Комизм массовых сцен в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина»

В большой критической литературе о творчестве М. А. Шолохова весьма значительное место отведено исследованию комического в романе «Поднятая целина».

В работах И. Кравченко, И. Лежнева, В. Гуры, Д. Молдавского, Ф. Абрамова, Ю. Лукина комическое начало романа связывается почти исключительно с образом деда Щукаря. Эту же линию продолжил Л. Якименко. Отдавая должное деду Щукарю в создании комической стихии романа, многие шолоховеды вместе с тем отмечают, что насмешливость, склонность к шутке свойственны всей крестьянской массе, изображенной писателем: в массовых сценах романа много смеха, веселых недоразумений, острых диалогов. «Основной источник юмора в «Поднятой целине», как и в «Тихом Доне», — народ, — отмечал М. Сойфер. — Глубокая народная мудрость с большой художественной силой воплощена художником в массовых сценах, колхозных собраниях и заседаниях...» [5, с. 318]. Интересные наблюдения высказывает В. Петелин: «Через весь роман проходит многоликая, разнохарактерная масса народа, а чувство юмора никогда, даже в самых сложных обстоятельствах, не покидает русского человека. И если в том, как смеется человек, проявляется его характер, то в любви народа к шутке, к веселому смеху раскрывается его жизнеспособность, энергия, воля и радость приятия жизни [4, с. 342]. Бесспорен и вывод А. Хватова: «У Шолохова юмор выступает и как свойство героев романа, и как черта видения самого писателя.»